

При жизни этого человека воспринимали по-разному. Одни — абсолютное меньшинство — считали его гениальным писателем и поэтом, быть может, лучшим в российской литературе конца XX – начала XXI века. Для других он в первую очередь был автором и ведущим музыкальных джазовых программ, на протяжении многих лет звучавших на самых коротких в мире радиоволнах. Третьи, услышав его имя, обычно переспрашивали: «Это не тот ли, который... Ах, однофамилец... И тёзка тоже?... Ну да, ну да...» Четвёртые просто пожимали плечами — не знаем, мол, такого, никогда не слышали. Этих всегда было больше всего.

Как-то, говоря о самом себе, он сказал: «Нынче я — самый известный из всех неизвестных писателей». И горькая самоирония, столь свойственная натуре этого человека вообще, в этих словах прозвучала особенно явственно — настолько, что у меня не возникло желания его в этом переубеждать. Будущее показало, что в этой оценке Дмитрий Савицкий не ошибся — так же, как не ошибался он и во многом другом, что составляло его жизненную и творческую биографию.

Дмитрий Савицкий родился 25 января 1944 года в Москве. Родители — Ираида Городинская, дочь советского генерал-майора Юдея Городинского, и Пётр Савицкий, подполковник ВВС, авиационный инженер, — расстались, когда их сыну было два года. Младенчество, детство и отрочество Дмитрия прошли в доме деда и бабушки по материнской линии.

В детстве Дмитрий перенёс тяжелейшую болезнь, по мнению лечивших его генеральских врачей, не оставлявшую шестилетнему мальчику ни единого шанса на жизнь. Однако врачи ошиблись. Три года спустя болезнь исчезла столь же внезапно, как и пришла. Но не бесследно. Следствием перенесённого недуга стало развитие у Савицкого уникальных физиологических способностей. Со школьных лет он обладал сверхъестественным слухом, способным проникать через межкомнатные стены и потолочные перекрытия, острейшим зрением, дающим возможность легко ориентироваться в темноте, и уникальными зрительной и обонятельной памятью, позволяющими фиксировать мельчайшие детали и нюансы окружающей его обстановки — архитектуры, интерьеров, внешности людей и производимых ими запахов. Эти качества, — о которых Савицкий никогда публично не распространялся, оправданно опасаясь проявления к себе внимания со стороны организации, чьё трёхбуквенное наименование с юности вызывало у него стойкое омерзение, — во многом подвигли его к тому, чтобы стать писателем. Они же явились стойким препятствием для его «социализации» — встраивания отдельной личности в безликую массу советских подданных, именовавшуюся во времена СССР пошлым термином «коллектив».

В силу особенностей своей личности, темперамента и указанных выше свойств он был буквально запрограммирован на конфликт с социальной средой, в которой волею судьбы ему привелось взрослеть и жить.

В 1959 году Дмитрий Савицкий был исключён из средней школы с издевательской формулировкой — «за несоветское отношение к советской девушке» (подразумевалось проявление юношеской сексуальности, ставшее достоянием глаз ревнителей соблюдения норм «коммунистической морали»). До призыва в армию зарабатывал на жизнь рабочим сцены в театре «Современник» и грузчиком на мясокомбинате имени Микояна. Три армейских года (1963–1966) провёл во внутренних войсках, служа в охране подземного ядерного реактора в секретном городе Томск-7 (ныне Северск). Там получил огромную дозу радиоактивного облучения, впоследствии сыгравшую в его жизни роковую роль.

После демобилизации Савицкий вернулся в Москву, где примкнул к столичному поэтическому андеграунду; сочинявшиеся им в ту пору стихи распространялись посредством самиздата. Одновременно учился на заочном отделении в Литературном институте им. М. Горького, откуда в 1972 году был исключён с 4-го курса за написание повести о своём армейском опыте. Повесть не предназначалась

для публикации, но институтское начальство сочло её «антисоветской» и поспешило избавиться от неблагонадёжного студента.

В 1970-е годы Дмитрий Савицкий попал в поле зрения советской тайной полиции, подвергался обыскам и допросам в КГБ как потенциальный диссидент.

В июле 1978 года, благодаря женитьбе на француженке русского происхождения, получил возможность выехать из СССР во Францию. Прибыв в Париж, решил обратно не возвращаться и обратился к правительству Франции с просьбой предоставить ему политическое убежище. Одновременно отправил свой советский заграничный паспорт по адресу: «Москва, Кремль, Леониду Брежневу» — с уведомлением о вручении.

Именно это обстоятельство — то, что он оказался на Западе не в статусе эмигранта из Советского Союза, а как невозвращенец, по советским законам подлежащий за побег суду, — стало основанием для того, чтобы Дмитрий Савицкий более никогда — ни в пост-, ни тем более в неосоветские времена — не приезжал в Россию.

В 1978–1989 годах работал как журналист и фоторепортёр для французских средств массовой информации (газеты «Либерасон», «Монд», журналы «Пари-Матч» и «Монд де ля Мюзик» и др.). В 1984 году получил французское гражданство.

Первые книги Дмитрия Савицкого — «Les Hommes Doubles» («Раздвоенные люди», 1979) и «Anti-guide de Moscou» («Антигид по Москве», 1980) — вышли сразу в переводе на французский язык. В дальнейшем выпустил по-французски ещё три книги: романы «Bons Baisers de Nulle Part» («Ниоткуда с любовью», 1983) и «Passé Décomposé, Futur Simple» («Разложившееся прошлое, упрощённое будущее», 2003) и сборник рассказов «Valse pour K.» («Вальс для К.», 1985). В 1980–1990-е годы беллетристика Савицкого издавалась также в переводах на английский, итальянский и чешский языки.

На родном языке публиковался в периодике Русского Зарубежья: журналах «Эхо», «Континент», «Стрелец», альманахах «Русский альманах», «Глагол» и «Часть речи»; в эмигрантских издательствах «Третья волна» и «Синтаксис» вышли две его книги: роман «Ниоткуда с любовью» (1986) и сборник рассказов «Вальс для К.» (1987).

После того как в СССР в 1990 году была отменена цензура, Савицкий получил возможность публиковаться на родине. В 1990–1998 годах в предраспадном Советском Союзе, а затем в постсоветской России вышли две его книги: сборник «Ниоткуда с любовью» (1990 и 1995) и роман «Тема без вариаций» (1998).

Главной темой его писательства была невозможность абсолютной свободы и любви в этом весьма несовершенном мире и — одновременно — сильнейшее, никем и ничем неостановимое стремление к обретению и того, и другого человеком, благодаря чудесной случайности вырвавшимся на свободу из концлагерного

барака. Под последним Савицкий подразумевал страну, в которой ему не повезло родиться и где прошли 34 года его жизни.

Что касается литературного стиля, то поклонники творчества Савицкого чаще всего сравнивали его беллетристические произведения по манере письма с Владимиром Набоковым и Лоренсом Дарреллом, а поэтические — с Иосифом Бродским, под чьим несомненным влиянием Савицкий-поэт находился в начале 1980-х годов.

Ещё одной важнейшей особенностью его стиля было то, что Савицкий обладал уникальным даром, без которого никакой человек выдающимся писателем стать не может: он умел безошибочно выбирать из череды множества слов-синонимов то единственное, которое должно занять место в предназначенной для него фразе. Именно так — не слово для фразы, а фраза для слова. Этому невозможно научиться — это бывает только в крови.

Особое место в жизни Дмитрия Савицкого занимала работа радиожурналистом и автором культурно-познавательных программ на иностранных радиостанциях, вещающих на русском языке. В 1986–1988 годах он сотрудничал как парижский корреспондент с русскими службами Международного французского радио (RFI) и Британской радиовещательной корпорации (BBC). В 1989–2016 годах сотрудничал с Русской службой американской радиостанции «Свобода» в качестве корреспондента и ведущего еженедельной программы джазовой музыки, в разные периоды выходившей под разными названиями («Сорок девять минут джаза», «Джаз на “Свободе”», «Время джаза»); также был автором и ведущим развлекательных программ «ПариСкоп» и «Карт-бланш».

Радиожурналистика постепенно вытеснила из жизни Савицкого литературу. А после того как в 2000-е годы его несколько раз обманывали российские жулики-издатели, заключавшие с ним контракты на переиздание ранее выходивших книг, но не выполнявшие взятых на себя обязательств, — он принял решение прекратить писать вовсе. И решение своё выполнил.

* * *

Дмитрий Савицкий был человеком, фантастически одарённым творческими способностями. Помимо необходимого каждому писателю умения выбирать для своих сочинений правильные слова и располагать их в правильном порядке, он обладал также иными, самыми разнообразными талантами. В числе коих были, например, точный глаз фоторепортёра и пейзажного фотографа, а также отличные кулинарные навыки, всегда притягивающие к их обладателю повышенное внимание знакомых и друзей.

В то же время Савицкий был человеком невероятно сложным в общении, замкнутым, некоммуникабельным, стремившимся к жизни в уединении. Он не желал принимать участия ни в каких публичных акциях — будь то писательские тусовки, для солидности именуемые «коллоквиумами» и «конференциями», или

же встречи с собственными читателями, жаждающими поглазеть на любимого писателя и получить автограф. И то, и другое его угнетало и давило. Единственный раз, когда он оказался участником телевизионной программы (это произошло в 1985 году, Савицкого пригласили на самое культовое во Франции тех лет интеллектуальное телешоу — передачу Бернара Пиво «Апостроф»), ознаменовался почти скандалом. Савицкий явился в студию слегка подшофе (для того, чтобы снять нервное напряжение — как он это объяснял впоследствии), а когда, разговаривая с ним, Бернар Пиво понял, что гость пребывает в не вполне адекватном состоянии, и начал над ним подтрунивать, уличая в грамматических ошибках в неродном для него французском языке, — Савицкий, обозлившись, стал отвечать, ставя ударение в фамилии ведущего на первую гласную. Больше на телевидение его не приглашали.

У Дмитрия Савицкого было выдающееся чувство юмора — чёрного, как антрацит, острого, как стилет, и сверкающего, как бриллиант. Тоже чёрный. Оно проявлялось в любых, порой самых неожиданных сферах. В том числе и в политических. Именно с его подачи в интеллектуальной парижской среде в 1984 году распространилась издевательски звучащая англоязычная шутка: «Andropoff is dead. Maybe, one drop of...» Он же, весьма иронически относясь к своей многолетней внештатной работе на радиостанции «Свобода», ёрнически именовал себя — Slave of Liberty, — подразумевая тот факт, что проработал в этой фирме в роли фрилансера больше четверти века без стабильной зарплаты.

Это чувство не оставляло его и во дни немощей телесных и иных, хотя порой он впадал в самую чёрную меланхолию и грозился покончить жизнь самоубийством. Из всех известных способов самоликвидации больше всего его привлекало падение с обрыва в пропасть — на полной скорости направив туда летящую по горному шоссе машину. Люди, хорошо знавшие Савицкого, в ужас от этих его фантазий не приходили: всем было известно, что машины у него нет, да и водить её он не умеет.

Крайне отрицательную роль в жизни Дмитрия играл алкоголь, который, увы, был постоянным спутником его жизни в добровольной самоизоляции.

В последние три года Дмитрий Савицкий тяжело болел. Гипертония у него была давно, чуть ли не с пятидесяти лет. Но с конца 2000-х она стала быстро прогрессировать. Затем начались проблемы со зрением. Летом 2016 года у него был диагностирован рак лимфатической системы — прямое следствие поражения организма радиоактивным облучением полувековой давности во время принудительного «отдания долга советской родине». В мае 2018 года Савицкий перенёс тяжелейшую кардиохирургическую операцию на открытом сердце. Послеоперационные осложнения не позволили пройти полный курс реабилитации. Осенью начался рецидив онкологического заболевания. В середине февраля 2019 года стало ясно, что конец приближается стремительно.

Тридцать лет назад, узнав о существовании в российской литературе писателя Дмитрия Савицкого и мгновенно влюбившись в его творчество, я не представлял, что мне будет суждено стать его персональным редактором.

Двадцать лет назад, прочитав роман Дмитрия Савицкого «Тема без вариаций», я понятия не имел о том, что настанет момент, когда мне придётся влезать в шкуру одного из его персонажей.

В этом романе один из двух главных персонажей — Борис Завадский, журналист, использующий свои профессиональные навыки не вполне по прямому назначению. Борис зарабатывает на жизнь тем, что строчит некрологи на статусных деятелей Французской Республики — политиков, писателей, артистов, эт цетера. Каждый из которых ещё не только жив, но и более-менее здоров. Написанные заготовки Завадский складывает в стол, дожидаясь момента, когда в потоке новостей появится сообщение, что кто-то из его клиентов наконец врезал дуба, откинул копыта или сыграл в ящик. После чего ему остаётся только извлечь из загоревшегося «рыбу», вставить дату, на ходу подправить недостающую фактологию — и отправить в газету, с которой он сотрудничает в качестве кладбищенского хроникёра. И ждать, когда позвонят и пригласят заглянуть в кассу за «пшеничкой» — французским аналогом российской «капусты». Но однажды судьба сводит его именно с тем, кого он так страстно желал заткнуть за пояс, — знаменитым писателем Люсьеном Гаро, чтобы собрать побольше фактов для оформления его же некролога...

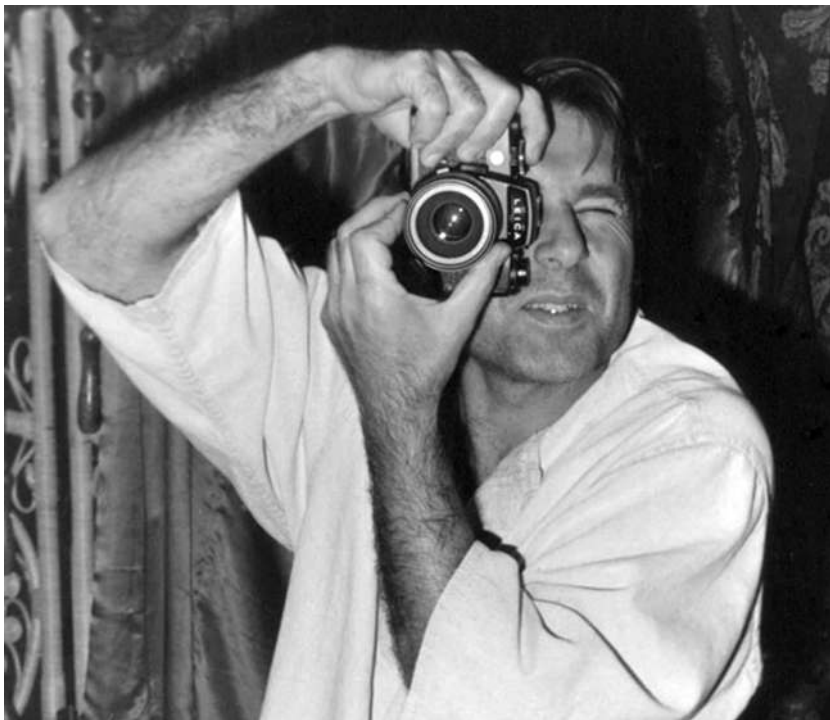
Однажды, когда мне уже было совершенно ясно, что писатель Савицкий кончился, он вдруг предложил мне стать его биографом. При этом обещал рассказать множество историй из своей жизни, которые можно будет публиковать только после его смерти — ни в коем случае не до. Изучив за многие годы общения его характер, я хорошо понимал, чего стоят эти завлекательные обещания: Дмитрий с лёгкостью мог забыть о них не через день — через час после этого разговора. А напоминать ему о таких вещах было бесполезно — как об стенку горох. И я отказался.

— Но хоть некролог-то вы мне напишете? — с оттенком недоверия прозвучал писательский голос на том конце телефонной трубки. И, не давая времени вставить хотя бы слово, продолжил: — Не отказывайтесь, мон шер. Не обижайте старого больного человека. А то ведь умру, и никто не вспомнит.

Черт знает, кто дёрнул меня в тот момент за язык.

— А отчего бы вам не написать этот некролог самому? — полюбопытствовал я. — Я вообще-то редактор, а не кладбищенский хроникёр, как этот ваш Моррис Зет.

— Я — не Люсьен Гаро, — ответил Дмитрий Савицкий. — У меня другое имя. И оно, быть может, останется.

Оно останется. Оно непременно останется, мой дорогой друг. Безо всяких «быть может».

* * *

Писатель Дмитрий Савицкий скончался 11 апреля 2019 года в клинике города Аржантёй, одного из ближних пригородов Парижа. Ему было 75 лет.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что оставшиеся после Дмитрия Савицкого книги навсегда вошли в золотой фонд российской литературы. Равно как и то, что люди, для которых его имя стало синонимом выражения «мой любимый писатель», останутся его верными читателями в течение ещё многих и многих лет.